

***

Закройся, Сезам!
Такую мечту
Продули.
Молись всем Богам,
И лишь моему
Не вздумай!
Ему не до нас.
Дела мои – швах,
Похоже!
Трамваи повесились на проводах
С печальными рожами.
Я просто одна
Из «вот этих вот»
В шапках с помпонами.
Душевные скрепы,
Большая душа
И фильмы с Гордонами.
Такой нон-перфект,
Что можно уйти

С улета до взлета.
Раздвинется небо,
И средний палец
Покажет... Кто-то.

Кто последний...

Кто последний – тот дурак.
И, как водится,
Водит, значит, зима-мироносица.
Кто святой, кто – идиот? В чем различия?
По моей душе скорбит
Стая птичья?
Улетает, стало быть, осень нынче.
По дворам еще листва
Нам подошвы лижет.
Кажется, что и скулит,
Но все тише.
Кто услышит – сочинит. Будет притча.
Спросишь: смысл... Где он? В чем?
Шкурка лисья,
Смысл – он не для живых,
Он – для листьев.

О жизни на Марсе

Билетерша билетерше
Говорит, как на духу:
- «Я тебе, как билетерше
(Но об этом ни гугу!),
Говорят, есть жизнь на Марсе...
Если можно жить на Марсе,
Значит, много мест вакантных
Есть для новых билетерш».
Отвечает та: «Так что ж?
Я вонючий свой трамвай

Не оставлю, так и знай.
Пусть другие билетерши
По кабинкам - и летять!
Пусть такие паникерши
Где угодно жить хотят!».

И тоскливо там, на Марсе –
Знает весь Вселенский свет:
Нет в трамвае билетерши –
И на Марсе жизни нет!

***

Снега к февралю отрасли горб.
Соседки на сплетни метки.
Внесли в мой дом любовь, как гроб,
Поставили на табуретки.
А я ни жива ни мертва сижу:
Вдова, хоть маслом пиши!
В трауре я – ясно ежу! –
И в пола смотрю ширь.
А там, меж досок, белых принцесс
Своих муравьи на руках несут.
У них не любовь – у них процесс.
Как я им завидую!
Учились у муравьев чтоб
Всякой полезной фигне,
Внесли в мой дом любовь, как гроб...
А в нем
                  никого
                  нет.

***

Разговор не клеится. Ничего. Еще
Мелет-мелет мельница все слова насчет:

Стерпится да слюбится, зарастет да слипнется.
Старая история. Берлиоз под липами.
Мне терпеть не можно! Я теперь хочу
Богово подножие – спин хребетный хруст,
Богово надгробие – крайнюю черту.
Кто и чьё подобие – видно за версту.

Попытка быть спокойной

Равнина в зеленях трескучих
Пасет познанья злого мерина.
Нас грабли ничему не учат.
И я учиться не намерена.
В лугах альпийских сны без воплей
И грусть – без права стать черней.
Но я сама своею волей
Здесь остаюсь кормить червей.
И сразу по лбу щелк-пощелк,
Но заживет и эта шишка.
А если что стихов насчет,
То даже в них все слишком С ЛИШКОМ!
И даже меньшая из зол,
Как Северная, блин, Корея!
И мой очередной – козел!
А следующий – еще козлее!

Бессмертный полк

Солдат споткнулся и лежит.
Потом второй, десятый.
Так грудой дорогих костей
Похвастаться здесь может каждый.
Нет дома, где смогла б война
Прошаркать мимо.
Нет дома, где смерть не смогла
Прошамкать имя.

От наших песен есть ли толк,
От оттепели нашей вящей?
Не мы «ведем» бессмертный полк,
А он нас тащит
За оба белые крыла к родным погостам.
И отличать добро от зла
Костным.

***

Едва успокоюсь, едва оттаю
По этой теме немного –
Стук в дверь. Открываю – лезет башка:
«Вы верите в Бога?»).
Ребята, чего так приперло вам
Идти в проповедники?
У нас уже был с Богом скандал
Один намедни.
Как славно, ребята, вам, веруя, жить
В своем божественном гетто.
А где-то полиция кружит,
И воет сирена где-то.
И где-то мадонна с разбитым лицом,
И сын на ней всю злость вымещает.
Она не верующая. Так. Ни о чем.
Прощает его. Прощает.
Старец молится до седин –
И всякий его уважает.
А вера – когда хотя бы один
В оркестре скрипач не слажает!
Но где он – предел? Никто б не хотел.
Жребий иудин.
Бог отразился, как в мутной воде,
В людях.

Линь, плыви в свою страну...

Линь, плыви в свою страну подлиннюю.
Мне же остается снова, снова
Площадью Гвардейцев шуровать на митинги
С красным шариком несказанного слова.

Линь, тебе живется как под этой каскою
февраля – без курева и радостей,
Где крючочка синего, а на крайняк и красного,
Не закинут близко к пропасти и пасти.

Дрейфовать по городу, как по морю,
Обходить настойчивых карасиков -
Как устала я тобою быть непойманною.
Ты мне, впрочем, тоже не поймался.

А во льду весна тебе мерещится и ландыши,
Снится, да не спится, путь твой долог в воды синие.
А у берега на пароходе треплется Карандышев
Флагом за не пОживших и не рожденных линей.

Маленький мой, скользкий мой, покладистый, укладистый,
До чужих морей тебе доплыть не хватит силы.
Если видишь ты меня насквозь, пускай украдкою,
Душу быть с чужими не насилуй.

Я б плыла с тобой – я и сама крою складного,
Просто надо воздух экономить. Беречь.
И сегодня мой швейцар в парадном у Парадного,
Видел мой серебряный плавник между плеч.